

И. Б. Ничипоров

Проба пера: о романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад»

Статья обращена к текущему литературному материалу – дебютному роману Е. Манойло «Отец смотрит на запад» (2022). Рассмотрены социально-психологическая и этнокультурная проблематика произведения, система персонажей, образ центральной героини в ее сопряженности с авторским «я», особенностями стилиевой манеры. Обсуждается соотношение сильных и уязвимых сторон в творческих решениях начинающего писателя. Делаются выводы о литературном потенциале автора и созданного им текста.

Ключевые слова: современная русская литература, социально-психологический роман, Е. Манойло, художественное осмысление смены эпох, межнациональные отношения в литературе.

Для цитирования: Ничипоров И. Б. Проба пера: о романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 56–65. DOI 10.35231/25419803_2023_1_56

Приметной литературной новинкой 2022 года стал дебютный роман Екатерины Сергеевны Манойло (1988 г. р.) «Отец смотрит на запад». Выпускница Литинститута (семинар П. Басинского), лауреат премии «Лицей» за этот роман Е. Манойло предложила актуальный вариант острой социально-психологической прозы, навеянной детско-юношескими воспоминаниями о русско-казахской среде в поселке Оренбургской области на границе с Казахстаном. Сочетание реалистической манеры письма с мисти-

ческими лейтмотивами привлекло внимание обозревателей, в произведении находили элементы «автофикшн», поскольку «биографические детали и личный опыт становятся здесь исходным пунктом, болевой точкой, которая толкает авторскую фантазию»¹. Рецензенты оценили характерный для этой «пронзительной женской истории», «твердый... “мужской” почерк, без сантиментов и стремления читателя разжалобить»², соединение «социальной истории, национального колорита, психологизма»³ и в то же время отметили композиционные, стилевые несовершенства⁴, размытость романной структуры, подменяемой местами освещением «этнографических проблем»⁵.

Материалы и методы

Романная экспозиция насыщена местным колоритом, погружающим в микроклимат глухого, далекого от «большого» мира поселка, где «раза три в месяц» случались похороны, коварные водовороты здешней реки «каждый год забирали жизни нескольких человек» и где «угрюмая трехэтажка» [1; далее в тексте все цитаты приводятся по этому изданию без указания страниц] смотрелась внушительной «на фоне кривых потрескавшихся хибар». Глазами девочки Кати Абатовой – русской по матери и казашки по отцу – увидены трудности межнационального и разноконфессионального брака, с мучительным «двоебожием», конфликтным наложением несхожих практик бытового поведения. По признанию автора, подобные обстоятельства вынуждали героиню, прошедшую, как и она сама, через потерю отца, «постоянно ощущать себя ни там, ни тут»⁶, хотя впоследствии «травмирующее детство не довлеет над ней, она не мусолит эту рану, а продолжает жить»⁷.

¹ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://umost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literatury-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

² Басинский П. Предисловие. Электронный ресурс. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_5/Content/Publication6_8010/Default.aspx (дата обращения: 25.11.2022).

³ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://umost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literatury-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ Кузьменков А. Бешбармак из нового реализма. Электронный ресурс. URL: https://alterlit.ru/post/28964/?anchor=comments&comment_id=342551 (дата обращения: 25.11.2022).

⁵ Основов А. Проза «Лицея»: однообразная уникальность. Электронный ресурс. URL: <https://godliterary.ru/articles/2022/06/14/proza-liceia-odnoobraznaia-unikalnost> (дата обращения: 25.11.2022).

⁶ Екатерина Манойло: «В литературном агентстве меня назвали казахским Стивеном Кингом и не взяли» [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://ridero.ru/blog/?p=5614> (дата обращения: 25.11.2022).

⁷ Екатерина Манойло: «Есть страх, что мы все станем монстрами» [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://godliterary.ru/articles/2022/06/27/ekaterina-manojlo-est-strah-cto-my-vse-stanem-monstrami> (дата обращения: 25.11.2022).

Инерция явного и скрытого разномыслия в домашних отношениях с ранних лет тяготела над сознанием центральной героини и стала в романе предметом развернутого художественного исследования. Мать Кати Наина все болезненнее испытывала отчуждение от мужа – простого шофера Серикбая, с которым она поспешно, бунтуя против матери, сошлась когда-то во время практики в «мрачном, необустроенном поселке», от его сестры Аманбеке и прочей родни, в кругу которой ее «постоянно выставляли виноватой». В ущерб семейным, хозяйственным заботам Наина уединялась «перед мрачными иконами», вымаливала у Богородицы первого ребенка – девочку, между тем как Серикбай, молчаливо переживая свое одиночество, готовил для жены подарок за сына, «а вот потратить заначку на побрякушку за дочь у него не поднималась рука». Катя, казахский вариант имени которой «Улбосын» означал «да будет сын», с младенчества безотчетно прониклась материнским тревожным мироощущением и после рождения брата Маратика привязалась к нему как единственному близкому существу, даже «приноровилась делать уроки с Маратиком на руках».

Всеобъемлющий кризис родовых, общественных, межнациональных связей на стыке советской и постсоветской эпох художественно преломляется в короткой, но по-своему незаурядной жизненной истории Маратика. В нем причудливо срослись отсталость и природный талант, врожденные нарушения речи и необыкновенная певучесть голоса, он, слывший в поселке «недоразвитым», «не говорил, а пел», недоумевающие «родители так и не дождались, когда их сын заговорит нормально». Стихийный наследник народных песенных традиций и одновременно воплощение бытательской бессловесности перед надвигающимися общественными потрясениями, Маратик погибает по недосмотру старших, под тяжестью задавившего его «шипящего и хохочущего» телевизора «Рекорд» – этого зловещего символа уходящей в небытие, но алчущей все новых жертв советской империи. На мифогенной почве коллективного подсознания в поселке складывается квазикульт умершего ребенка, «мертвый сынок обрастал легендами», а Катя еще долгие годы будет прорабатывать для себя обстоятельства несчаст-

ного случая, «мысленно спасать Маратика» и вслушиваться в потаенное звучание его пения, которое, как ей верилось, в поворотные моменты жизни подсказывало верный путь. Протяженность и смысловая значимость этой «посмертной» сюжетной линии позволяют видеть в романной композиции элементы волшебной сказки и даже полагать, что «неприкаянная и никому не нужная» героиня «будто не является актором происходящих событий»¹, а скорее поддается иррациональному – то натуралистически беспощадному, то сокровенному – ходу повседневности.

Результаты

В событийной логике произведения смерть ребенка ускоряет центробежную динамику сюжета, приводит к выпадению все более атомизированных индивидуальных историй из семейно-родовой общности.

Дистанцирование от ментально и религиозно чуждого мужниного окружения вызывает у матери героини Наины желание «отмотать время назад и не заводить семью». В разломах частных судеб и семейных привязанностей автору удастся искусно запечатлеть дух непредсказуемо меняющегося времени. Некогда Наина не на шутку поссорилась «из-за голливудского боевика» с матерью, преподававшей историю КПСС в Московском пединституте, и «назло совку сначала крестилась в церкви, а затем и вовсе решила уехать на практику как можно дальше от дома». На новом этапе своего пребывания в поселке, где возводилась церковь и все поневоле «смирились с соседством двух религий», Наина в состоянии душевного надрыва «стала вынашивать мысль, как ей вернуться к Богу», чуть ли не переселилась во временный храм-вагончик в надежде «отменить ту жизнь, которой она жила до этого вагончика», и в итоге, оставив семью, внеся крупное пожертвование на строительство храма, она тайком уезжает в областной центр. Этот созвучный эпохе поспешных массовых «обращений» неофитский радикализм вызывает у Кати отторжение от православия, дочь «боялась религии матери», «страшных распятий и икон», а спуска

¹ Бояркина П. Ведьмы, драконы, принцессы. Электронный ресурс. URL: <https://prochтение.org/reviews/31027> (дата обращения: 25.11.2022).

годы, когда в причудливых зигзагах общественных и церковных перемен 90-х годов мятущаяся Наина превратится в степенную «матушку Агафью», смотревшую «куда-то мимо дочери» и по иронии судьбы сохранившую на руке след от подаренного мужем кольца, – центральная героиня при встрече с матерью в монастыре ощутит так и не преодоленный комплекс беспочвенности и сиротства, ее вновь «в груди кольнуло: предала, забыла».

Частичное восстановление оборванных поколенческих связей намечается в сближении Кати со «слишком молодой бабушкой» Ириной Рудольфовной, приехавшей забрать ее из поселка. *Укрупненные бытовые подробности вписываются автором в контекст не только семейной, но и шире – межкультурной конфронтации.* Тетка Кати Аманбеке, которая упорно сторонилась так и не влившейся в клан «чужачки», «выплеснула чай, что приготовила Ирина Рудольфовна, в горшок с кактусом, а вместо него заварила себе пакетированный черный, бухнув туда побольше сахара и ложку сметаны», – точно так же, как позднее, при возвращении «подозрительной» «москвички» Кати тетка резко откажет ей в «обычном чае».

Перед сочувственным, доходящим до безнадежности взором 25-летней героини разворачиваются драматичные моменты биографии бабушки, которая на волне повсеместных разоблачений недавних кумиров не захотела в одночасье менять убеждения и вынужденно влачила за собой поломавший ее карьеру «шлейф партийности и непонятной оппозиционности». На ее обветшавшей и обесценившейся «профессорской даче» на 30 сотках все еще хранились «отсыревшие тома» Ленина и Маркса, здесь Катя нашла брючки, в которых много лет назад 1 сентября пошла с бабушкой в школу...

Археология прошлого через живописание опустевших пространств бабушкиной дачи, а также родительской квартиры в поселке, где погиб «легендарный» Маратик, формирует в романе масштабный образ оскудевающей жизни, которая осмысливается сквозь призму поколенческих травм. Воспоминания о проведенных с бабушкой годах приоткрывают в Катином пути нереализованные задатки к творчеству. В школьную пору на подаренный бабушкой плеер она пыта-

лась «записывать» часто звучащий в ее воображении «голос Маратика». Эти эксперименты стали для нее «пропуском в мир звуков»: словно противоборствуя с «нетворческой» обыденностью, Катя увлеклась «коллекционированием» голосов одноклассников и учителей, сумела расслышать, что «каждая ступень лестницы имеет свой голос», в школьном театре стала помощницей звукорежиссера и щедро украшала любительские постановки своими аудионаходками в разнообразном диапазоне от раскатов грома до собачьего лая.

В мотивной структуре романа творческие импульсы персонажей, «обретение своего голоса»¹, прозрение ими горизонтов духовного мира подавляются мрачными сценами домашнего насилия, зачастую «безъязыким» переживанием лишенной социальных перспектив современности. Вошедшая в семью Абатовых Айнагуль после брачной ночи с грубым и ожиревшим Катиным двоюродным братом Тулином «почувствовала себя грязной посудиною», а когда резали Буренку, молодая женщина увидела себя «такой же коровой, свидетелем собственной медленной казни». Катя вспоминала, как в детстве «шла с отцом по висячему мосту» и «доски ходили ходуном под их весом», однако тогда от ощущения непрочности существования ее спасала оглядка на отца, который «улыбается, молодой и красивый». Теперь же на смену детским мечтам и увлеченному «собираению» звуков пришла необходимость «думать цифрами» о заведомо убыточной продаже «профессорской дачи» и ставшей обузой родительской квартиры. Емкой метафорой бесприютности столичной жизни становится в романе «человеиник», где героиня снимает однокомнатную квартиру с ледяным полом в окружении нескончаемых стройплощадок, со «старым лифтом с расплавленными кнопками» и обреченностью после изматывающей, не оплачиваемой в срок работы лицезреть свое отражение «в заляпанном зеркале лифта», чувствовать себя «изжеванной и выплюнутой». Характерными, передающими атмосферу времени штрихами выведен злободневный социальный тип – хозяин квартиры Юрок, живший с матерью, которая держала в домашней библиотеке собрание сочинений

¹ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://unost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literaturny-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

Солженицына, и работавший охранником в продуктовом магазине. Ему, почувшему возвращение господства по-гулаговски бесчеловечной, якобы защищающей правопорядок силы, «вдруг понравилась власть хотя бы над мелкими магазинными воришками» и над задерживающей оплату одинокой квартиранткой.

Остро драматичной, прочерченной на грани эмпирической достоверности и мистической условности получилась в романе сюжетная линия отца главной героини Серикбая. Заурядный работяга, слабовольный заложник амбициозной сестры и архаических клановых установлений, косвенный виновник гибели сына и распада собственной семьи, он на пороге смерти неожиданно предстает как глубокая, страдающая натура, долгие годы безропотно сносившая удары судьбы и тяготы социальных сдвигов. На свадьбе племянника, омраченной корыстными расчетами родни, он внутренне возвысился над происходящим, «вдруг почувствовал себя молодым, будто оказался в прошлом на собственной свадьбе». Не чуждый, как выясняется, мистическим озарениям, он «прислушивался, не заговорит ли с ним Маратик» и, движимый годами копившимся раскаянием, «вспомнил о дочери», «пытался восстановить в памяти лицо Кати», напряженно размышлял о необходимости завещать ей квартиру и был уязвлен «страшной мыслью, что никогда он дочь свою не любил». Художественной находкой автора стал эпизод внезапной смерти Серикбая на детской площадке по дороге с семейного торжества. Перед ним «стали всплывать образы» прошлого, он перетек в иное измерение, «наткнулся на большую ветку», «будто теперь он сам стал деревом», и, словно в подтверждение «древесных» ассоциаций, «за ночь он стал похож на вырезанную из дерева куклу», а на пороге иного мира в новом свете, в яркой россыпи предметных подробностей узрел свою необорвавшуюся сердечную связь с давно умершим сыном: «Он вспомнил маленькое тельце, укутанное в саван... Разомкнул объятия, достал из сумки твердый кусочек курта и протянул сыну. Тот взял угощение и часто заморгал, будто впервые видел и не знал, что с этим делать. Серикбай смотрел на его кулачок с творогом, а перед глазами стояла другая картина: безжизненная ручка из-под опрокинутого телевизора».

Архетипическая ситуация приезда центральной героини на малую родину обрисовывается в произведении как отражение ее болезненного опыта, влечет усугубление не вполне побежденных с детских лет страхов и разочарований. По смысловому наполнению эта линия отчасти напоминает магистральный сюжет повести В. Маканина «Где сходилось небо с холмами» (1984)¹. Роману Манойло созвучны ключевые для Маканина мотивы сиротства героя – композитора Башилова, чьи «отец и мать сгорели в одной из аварий», «междомья», вырождения «аварийного» поселка, старожилы которого «не знали, зачем он явился вспоминать столько лет спустя», а также неуклонного разрушения «общих длинных столов», вместо которых в конце концов «в земле торчали остатки опорных столбиков». Маканинский герой-интеллигент терзается нравственной «виной» перед односельчанами, тщетно силится вернуть «долг» родному поселку, а героиня романа с тоской узнает знакомые места, роковой для родительской семьи «памятный вагончик» и высящийся рядом новый храм. Былые родственные, хотя и не безупречные, отношения перечеркиваются спустя годы циничным выставлением ей «счета» за похороны отца и сооружение ему нелепого «мавзолея», требованиями тетки «переписать» отцовскую квартиру и едва ли не надругательством со стороны двоюродного брата, с его «смрадными объятиями» и невыносимым «мясным жаром... тяжелого тела».

Символический характер приобретает сцена, когда героиню, без необходимых ресурсов, с неработающим телефоном, умышленно запирают в отцовском склепе, у «посмертной кровати отца», которого не предали земле, а «положили головой на Запад, как велит обычай». В духе «магического реализма» ее тягостные кладбищенские впечатления сопровождаются «пением» Маратика о «заживо похороненной сестре», которую «спать положили с мертвым отцом», чем высветляются неизжитые травмы прошлого и смутные горизонты дня сегодняшнего. Всплывающие в памяти эпизоды общения с отцом накладываются на беспокойный фон воображаемого зависания над пропастью: «Вспомнилось, какой

¹ Маканин В. Где сходилось небо с холмами. Повесть. Электронный ресурс. URL: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/nebo.txt> (дата обращения: 25.11.2022).

он был большой, пышущий здоровьем. Как спал после рейса, и, если прилечь рядом и положить голову ему на грудь, можно было задремать под ровное его дыхание. Собственное детство казалось ей теперь не куцым и обрывистым, а плавным и убаюкивающим. Катя прикрыла глаза. Вдруг спиной она почувствовала пустоту, будто один шаг назад – и свалишься в пропасть». Это реальное и вместе с тем мистическое приближение к темным, но и согретым семейным теплом недрам родового памяти могло бы стать органичным закольцовыванием романной композиции – от таинственного названия к финалу. Увенчавшая же произведение счастливая развязка вкупе с фантастическим «возмездием» обидчику героини от «ожившего» в склепе отца выглядит искусственной и отчасти низводит мистическую образность до тривиального литературного приема.

Обсуждение и выводы

Итак, первый роман Е. Манойло видится в целом как творческая удача и примечательное явление сегодняшней литературы. Пульсирующий ритм «объективного» повествования, разделенного на десять все более кратких и отрывистых главок, подчинен композиционному движению от эпически панорамных картин к освещению болевых сторон частных судеб, постижению *разноуровневого пограничья*: земного и потустороннего миров, исторических периодов, стратегий бытового поведения, возрастных состояний. Речь автора стилистически и эмоционально пропитана исповедальными признаниями, раздумьями близкой ей героини и вместе с тем обнаруживает ту «внезаходимость», которая позволяет умело совмещать различные по охвату материала изобразительные планы, в том числе выходящие за пределы индивидуальной картины мира любого из персонажей. Разомкнутому в будущее биографическому времени центральной героини – с рубежа 80–90-х до середины 2010-х гг. – оказывается соразмерным прихотливое течение социальной истории как в региональном, так и общероссийском масштабе. Со значительностью этнокультурных, психологических проблем, аналитическим освоением современности, оригинально выстроенными ассоциативными рядами в тексте диссонируют,

однако, расхожие сюжетные клише приключенческой и фантастической литературы, наподобие похищений, побегов, преследований, поисков и обретения тайника с деньгами, явления призраков...

Литературный потенциал автора и созданного им текста несомненен. Решению каких творческих задач этот потенциал послужит – покажет будущее.

Список литературы

1. Манойло Е. Отец смотрит на запад. Роман. Предисловие П. Басинского // Новый мир. – 2022. – № 5. – С. 7–50; № 6. – С. 8–43.

Ilya B. Nichiporov

Pen Test: about Ekaterina Manoilo's Novel "Father Looks to the West"

The article is addressed to the current literary material – the debut novel by E. Manoilo "Father looks to the west" (2022). The socio-psychological and ethno-cultural problems of the work, the system of characters, the image of the central heroine in her correlation with the author's "I", the peculiarities of the stylistic manner are considered. The correlation of strengths and vulnerabilities in the creative solutions of a novice writer is discussed. Conclusions are drawn about the literary potential of the author and the text created by him.

Key words: modern Russian literature, socio-psychological novel, E. Manoilo, artistic understanding of the change of epochs, interethnic relations in literature.

For citation: Nichiporov, I. B. (2023) Proba pera: o romane Ekateriny Manoilo «Otec smotrit na zapad» [Pen Test: about Ekaterina Manoilo's Novel "Father Looks to the West"]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 56–65. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_56

References

1. Manoilo E. (2022) Otec smotrit na zapad [Father looks to the west] *Novy mir – New World*. № 5. Pp. 7–50; No 6. Pp. 8–43.

дата получения: 19.12.2022
дата принятия: 20.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 19 December 2022
date of acceptance: 20 January 2023
date of publication: 30 March 2023